

Сергей Любичанковский, Степан Джунджузов, Наталья Барабаш, Сергей Шувалов

Рец. на: «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Ч. 1. Очерки истории. 360 с.; Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация. 254 с. Самара: Самарский университет, 2013–2014

*Sergey Lyubichankovskiy (Orenburg State Pedagogical University, Povolzhskiy branch of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences),
Stepan Dzhundzhuzov (Orenburg State Pedagogical University, Russia),
Natalia Barabash (Federal Research Centre for Projects Evaluation and Consulting Services, Russia),
Sergey Shuvalov (Moscow Centre of technological education modernization, Russia)*

Rec. ad op.: «Obretenie Rodiny»: obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraya polovina XVI – nachalo XX v.). Ch. 1–2. Samara, 2013–2014

В последние несколько десятилетий проблемы устройства империй (особенно континентальных) стали приоритетным направлением в мировой историографии. Под империей понимается система управления сложным, гетерогенным в культурном плане обществом, основанная на опоре центра на местные элиты. Особенно важным в этом контексте представляется ответ на вопрос, каковы были механизмы, позволявшие столь сложным системам, как, например, чрезвычайно многообразная в культурном, национальном, конфессиональном плане Российская империя, не просто десятилетиями, а веками сохранять стабильность.

В 2012 г. Самарский научно-образовательный центр подготовки специалистов по отечественной истории, историографии, источниковедению, археологии и этнологии при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» провёл комплексное историческое исследование под названием «“Обретение Родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)», результаты которого представлены в рецензируемом издании. В авторский кол-

лектив под руководством П.С. Кабытова вошли Л.М. Артамонова, Е.П. Баринова, Е.В. Годовова, Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина, Н.Н. Кабытова, З.М. Кобозева, М.И. Леонов, О.Б. Леонтьева, Е.М. Малинкин, Н.Ю. Перла, С.В. Польской, Ю.Н. Смирнов, О.Д. Столяров, А.В. Сюков, В.А. Тюрин.

«Красной нитью» через исследование проходит проблема формирования региональной идентичности. Гипотеза авторов заключается в том, что изучаемый регион представлял собой пространство особого типа: «внутреннюю окраину» России, ставшую общей Родиной для многих социальных и этнических групп, из которых складывалась новая социокультурная целостность. Историки исходят из концепции фронта как зоны пограничного взаимодействия различных сообществ, в процессе которого изменяются сами его участники.

Книга представляет собой цикл очерков, т.е. написана в жанре, допускающем многообразие сюжетов. Сама география исследуемого пространства трактуется весьма широко. Она существенно превосходит Средневожский регион в его современных административных границах и включает территории, объединённые обобщённым названием «Заволжье». К нему, в частности, отнесены пригранич-

ные районы Башкортостана, Казахстана и Оренбургской области, причём авторы фокусируют своё внимание на отдельных районах или охватывают всё очерченное пространство.

В первой части коллективной монографии представлены следующие сюжеты: национальная и конфессиональная политика Российской империи как проблема современной историографии (О.Б. Леонтьева); влияние природно-географических условий на историческое развитие региона (П.С. Кабытов); специфика складывания полиэтничного и поликонфессионального населения региона (главы В.Н. Зудиной и Н.Ю. Перлы о ставропольских калмыках и буддизме в пространстве юго-восточного фронта России, Е.В. Годовой о повседневной жизни оренбургских казаков, Л.М. Артамоновой об участии духовенства в работе школ Казанского учебного округа). Рассмотрено также формирование социальных практик, хозяйственного поведения местного населения (главы Е.П. Бариновой и П.С. Кабытова о дворянстве, З.М. Кобозевой о мещанстве, Э.Л. Дубмана о рыболовном промысле в регионе, Ю.Н. Смирнова о помещичьем освоении края, А.В. Сюкова о модернизации сельского хозяйства региона в начале XX в.). затронуты и такие темы, как складывание региональной системы управления и самоуправления (главы Е.М. Малинкина о реализации разрядной реформы в так называемых понизовых городах, В.А. Тюрина об административном устройстве созданной в середине XIX в. Самарской губернии) и, наконец, политико-идеологическая панорама жизни региона (главы Н.Н. Кабытовой о социально-политической дифференциации населения Поволжья в 1917 г., М.И. Леонова об эсерах региона).

В 2014 г. вышла в свет вторая часть коллективной монографии, специально посвящённая Среднему Поволжью как исторически сложившемуся этноконфессиональному региону. С первых страниц книги читатель погружается в сложный мир взаимодействия этнических и социальных сообществ, населявших Поволжье. Здесь по соседству со сменявшими друг друга ордами кочевников селились ватаги казаков. На рубеже XVI–XVII вв.

Южное Среднево́лжье стало объектом рыболовного промысла, здесь начали появляться первые земледельческие поселения. Однако, как отметил Э.Л. Дубман, эти селения были небольшими, существовали недолго, могли менять местоположение. Роль государства на раннем этапе освоения региона исследователь свёл «только к созданию определенных предпосылок заселения, к контролю за общей ситуацией в крае» (ч. 2, с. 15). Массовая колонизация южных территорий Среднего Поволжья началась только с середины XVII в. Согласно предложенной Дубманом периодизации, первые военизированные поселения датируются 1640–1650-ми гг.

Строительство укреплений обеспечило приток земледельческого населения, в авангарде которого оказались представители автохтонов Поволжья – ясачные крестьяне из мордвы, татар и чувашей, поскольку закрыть порубежье от нападений кочевников только силами русских казаков и солдат было невозможно (ч. 2, с. 42–43). В конце XVII – начале XVIII в. в Симбирском уезде начало складываться крупное вотчинное землевладение представителей московской знати. Его появление Дубман связал с переводом крупных контингентов служилых людей «по прибору» в Азов и последовавшую затем раздачу освободившихся земель «по челобитьям» новым владельцам. Тогда же вотчинами в южной части Среднего Поволжья обзавелись и крупные монастыри: Ипатьев, Новодевичий, Чудов и др. Как правило, сюда переводили крестьян из перенаселённых центральных уездов.

Ю.Н. Смирнов связал массовое освоение и заселение Самарского Поволжья и Заволжья во второй трети XIX в. с межэтнической ситуацией, сложившейся на юго-востоке России и сопредельных территориях. Так, в результате миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Волжском калмыцком ханстве более 5 тыс. калмыков приняли христианство. Часть из них в 1737 г. была отправлена на Среднюю Волгу и поселены в районе Куньей Воложки. Исследователь обратил внимание на чересполосное расселение крещёных калмыков и государственных крестьян, задуманное, как следует из указов, для приобщения

калмыков к земледелию и оседлости (ч. 2, с. 78). Существенное влияние на развитие русской колонизации Заволжского края оказал уход большей части калмыков из волго-уральских степей в Китай в 1771 г., что открыло дорогу казахам для набегов на русские селения и немецкие колонии волжского левобережья. Вместе с тем «этот исход в конечном итоге стимулировал более быстрое освоение заволжской степи оседлыми жителями. Малочисленное по сравнению с калмыками башкирское и казахское население просто не могло занять освободившиеся пастбища, которые всё активнее стали обращаться в крестьянские пашни и сенокосы» (ч. 2, с. 86).

С серьёзными трудностями сопряжено исследование демографических процессов в окраинных губерниях Российской империи с 1780-х гг. и до середины XIX в. Материалы ревизских сказок сохранились плохо. Работу демографов также усложняют изменения уездных границ, неоднократно проводившиеся в данный период. Смирнов предложил, во-первых, пользоваться обобщающими показателями для всего Заволжского региона, и во-вторых, оперировать статистическими данными по отдельным районам, не всегда совпадающим с административным членением. Он, в частности, пришёл к выводу, что большую массу переселенцев в северо-западных уездах Оренбургской губ., особенно в Бузулукском, составляли казённые крестьяне, самовольно покинувшие прежнее место жительства. Вследствие недостатка казённых земель переселенцы искали пристанище на казачьих и других частновладельческих, откуда их стремились изгнать законные владельцы. Занимая чужие участки, захватчики старались удержать их за собой, чтобы затем закрепить по праву десятилетней давности владения¹.

Интересные сведения о демографическом составе Самарского Поволжья приведены Л.М. Артамоновой. С конца XVIII в. существенно увеличилась численность крестьянского населения – оно составляло около 90% жителей края. При этом государственные крестьяне вместе с иностранными колонистами и вольноотпущенниками составляли $\frac{2}{3}$ от общего

числа. В национальном составе населения Заволжья преобладали русские, в южной части Среднего Поволжья – представители автохтонных народов (татар, чувашей, мордвы). К середине XIX в. обозначился ощутимый перевес православных в соотношении с представителями других конфессий, в том числе христианских. Однако автор справедливо отметила, что официальные данные о доле православного населения следует считать завышенными за счёт старообрядцев и разного рода преследуемых сект, а также только формально крещёных язычников и мусульман (ч. 2, с. 104).

По данным О.Б. Леонтьевой, наибольший прирост населения в Поволжье пришёлся на вторую половину XIX – начало XX в., причём лидерство по данному показателю принадлежало Самарской губ., население которой с 1858 по 1897 г. увеличилось на 79.8%. Столь впечатляющий демографический рывок был обеспечен в основном за счёт естественного прироста населения. В этот период регион стал превращаться в «донора» людских ресурсов для Сибири и других окраин страны.

Согласно наблюдениям Кабытова, в пореформенный период основой населения Поволжья оставались крестьяне, удельный вес которых здесь был даже несколько выше, чем в западных и центральных губерниях страны. В то же время, наблюдался значительный рост городского населения, причём сельские переселенцы не столько «окрестьянивали» городскую среду, сколько «сознательно выбирали городской образ жизни» (ч. 2, с. 159–160).

Анализ динамики численности и плотности населения губерний Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. логично дополнили параграфы о национальном составе. Приведены сведения по 13 наиболее многочисленным национальным группам, проживавшим в пространстве от Казани до Астрахани. Авторы рассмотрели территориальное расселение этих групп, уровень урбанизации и опосредованно связанную с ними хозяйственную и трудовую специализацию. Т.И. Ведерникова на примере селений со смешанным национальным составом Самарской губ. показала меха-

низмы ассимиляции и аккультурации различных этнических, конфессиональных и земляческих групп.

Конечно, как и всякое коллективное исследование, рецензируемое издание не лишено недостатков, связанных прежде всего с тем, что каждый автор реализует исходные методологические установки по-разному, в меру своего понимания и исходя из того исторического материала, которым он оперирует. Важно отметить и нечёткость в определении территориальных рамок анализа. Авторы упомянули о пространствах Средней Волги и Заволжья как об особом регионе Европейской России. В границах современного административно-территориального деления сюда входят Самарская, Ульяновская, Саратовская области, восточная часть Пензенской, западная Оренбургской, юго-восточная (закамская) – Татарстана, юго-западная – Башкортостана; западные (прилегающие к реке Урал) территории Казахстана. У нас сложилось впечатление, что это достаточно искусственные рамки, призванные «удержать» конструируемый регион в рамках европейской части страны.

Но так ли резко отличался друг от друга по признаку региональной «идентичности» уральский казак с западного берега Урала от своего собрата, жившего на другом берегу, житель Оренбурга от жителя Челябинска и Уфы, житель Астрахани от жителя Саратова? Думается, избранная авторами граница региона достаточно призрачна. В этом специфика континентальных империй, в которых сложно даже отграничить окраины, не говоря уже о таком умозрительном конструкте, как «внутренняя периферия». Возможно, для большей чёткости авторам стоило ориентироваться на административные границы, наличие которых не могло не

влиять на формирование региональной идентичности. В то же время расплывчатость определения границ анализа лишь отражает постоянные смещения региональных границ империи.

Авторы проекта часто ссылаются на труд Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи» как на концептуальную основу рассмотрения проблем развития российского общества в условиях процесса модернизации. На наш взгляд, безусловный приоритет в разработке проблем модернизационного перехода на периферии империи принадлежит школе академика В.В. Алексеева².

Реализованный в Самаре проект не только позволяет решить задачи постижения далёкого прошлого, но и указывает на меру стабильности и хрупкости современного российского общества, не учитывать которую при принятии государственных решений было бы, по меньшей мере, неразумно.

Примечания

¹ См. также: Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Межведомственные тяжбы вокруг земель калмыцкой команды Оренбургского казачьего войска (30-е гг. XIX в.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Научный журнал. 2013. № 2. С. 119.

² См.: Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998; Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / Под ред. В.В. Алексеева. М., 2000; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург, 1997; Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2009.